

Вет. Москва. 1997. 15 марта. с. 5
Запах хлеба в доме

С Валентином Распутиным мы знакомы лет, наверное, двадцать пять, не меньше, с той памятной поры, когда появились его повести «Прощание с Матерой» и «Живи и помни». Успех эти повести имели, как вы помните, огромный. С Распутиным произошло то же самое, что произошло, пожалуй, с другим большим писателем, с Сергеем Михалковым (после публикации «Дяди Степы»): однажды утром он проснулся знаменитым. Ложился спать нормальным, мало кому ведомым литератором, а проснулся знаменитым. Узнали Распутина буквально в несколько дней, и взлет его был стремительным. Жил Распутин в ту пору в Иркутске, часто скрывался от досужих журналистов на Байкале, в простом доме, стоящем на берегу озера, в который, наверное, и свет даже не был проведен, и работал, работал. Работал самозабвенно и мучительно, исписывая мелким округлым почерком горы бумаги. Причем, насколько я помню, писал Распутин в основном карандашом на четвертушках, оставляя большие поля для правки.

временно, очень часто непутевая и даже страшная Москва.

В Москве он появлялся редко, относился к столице нашей Родины настороженно — уж очень много различного праздного люда толклось здесь, а праздных людей он, как и все трудяги, не очень-то долюбивал и, честно говоря, свыкся с Москвой только тогда, когда подросла дочь и поступила учиться в один из столичных вузов. Потребность находиться рядом с нею, поддерживать, а заодно и выполнять указы своих избирателей-сибиряков — Распутин был избран депутатом Верховного Совета СССР, — подсоблять им, чем можно, и примирила его с Москвой. Так и стал москвичом.

И тем не менее, хоть и живет он сейчас здесь, а если выдается возможность укатить в Сибирь на Байкал — ни за что такую возможность не упустит, обязательно укатит. Родина есть родина, корни есть корни. Они привязывают человека к местам, где он вырос, покрпечев всяких веревков, и прошлое, оно тоже очень много значит, оно также прочно держит. Но часто бывать в Иркутске, на Байкале, все равно не получается.

И писать в последние годы тоже не очень получается — будто бы руки отшиблены. Когда мы общались последний раз, Распутин начал работу над новой повестью, но сделано было еще мало, и он, как всякий пишущий человек, остро чувствующий слово, верящий в то, что рукопись — такое же живое существо, как и люди, имеет душу, постарался переключить разговор на другую тему. И я очень хорошо понимал Распутина. Как и других очень талантливых людей, которым в нынешнюю пору не очень-то «пишется»...

А вот цикл рассказов Распутина уже готов. Мне было интересно: отложили ли годы жизни в Москве отпечаток на Распутина, а точнее на том, что он пишет? Ведь раньше местом действия всех книг Распутина была Сибирь, а героями — сибиряки. Москвой и москвичами, расфуфыренными столичными жителями, там и не пахло... Оказывается, жизнь здешняя дала ростки, в рассказах уже действуют герои-москвичи, и место действия — наша сложная, угрюмая и веселая одно-

Последний раз он побывал на Байкале три месяца назад. В родной деревне Распутина Аталамке даже забыли, как выглядят деньги — зарплату не платят, не работает никто. Живут люди натуральным хозяйством, продукты меняют на вещи, вещи на продукты, тем и обходятся. Город Кяхта, расположенный неподалеку, основан целиком — не работает ни одно предприятие.

Одна вроде бы отрада — Байкалу легче должно быть, раз предприятия не работают, не сбрасывают грязь в хрустальную воду великого озера, но Байкалу легче не стало — бумагоделательные и прочие заводы, против которых столько лет выступала общественность, дымят по-прежнему и по-прежнему пополняют озеро своими нечистотами. Осознание того, что Байкал может задохнуться, умереть, рождает внутри горечь, что-то шмящее, тоскливое и одновременно бессильную злость.

Наверняка в день юбилея Распутин, находясь здесь, в Москве, вспомнит Байкал, места свои родные...

Шестьдесят лет — это, конечно, не пятьдесят, это пора зрелости, но все-таки серьезные юбилеи еще впереди. Хотя Распутин признался, что ему грустно в преддверии шестидесятилетия, но ничего не поделаешь, придется мириться с тем, что есть. Жаль, что не может исполниться сразу шестьдесят один год, именно сразу, минуя шестьдесят, чтобы ничего не отмечать.

Годы, конечно, идут, мы не молодеем, никто не молодеет, ни один из нас, только старимся, но как бы там ни было, представить Валентина Распутина старым невозможно. Даже по имени-отчеству называть трудно, поскольку с тридцати лет привык обращаться к нему только по имени... Но это уже детали.

Как бы там ни было, я очень хочу, чтобы в шестидесятилетие Валентина Распутина пахло хлебом. Хорошим, свежим, вкусным, испеченным из сибирской пшеницы. Будет хлеб в доме — будет и все остальное...

Валерий ПОВОЛЯЕВ